

**ГОЛОД 1946 – 1947 ГОДОВ В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКОВ
(КОНЕЦ 1980-х – 2000-е ГОДЫ)**

© 2009 Р. Р. Хисамутдинова

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 26.06.2009

В статье рассматриваются разные точки зрения историков на причины голода 1946-1947 годов в Советском Союзе: природные (засуха), объективные (военная разруха и нищета деревни), субъективные (экономическая и внешняя политика государства); масштабы и последствия его для страны.

Ключевые слова: засуха, последствия войны, нищая деревня, трудодни, государственные заготовки, голод, смертность населения.

Голод 1946-1947 годов – государственная политика или последствия засухи? Эта дискуссия между историками началась еще в 90-е годы и продолжается до сегодняшнего дня. Одни историки делают акцент на природных (засуха) и объективных (послевоенная разруха и нищета деревни) причинах голода, другие возлагают ответственность на государство, которое своей экономической и внешней политикой усугубляло вышеназванные факторы, способствовало расширению масштабов голода, снижению рождаемости в стране.

Послевоенный голод почти не освещался в советской историографии. Это объясняется тем, что в Советском Союзе не было условий и возможностей для объективного исследования причин, масштабов и последствий голода для страны, т.к. документы оказались недоступны историкам. Завеса секретности была настолько плотной, что писать и говорить о нем запрещалось. В отечественной литературе робкое упоминание о голоде было сделано в 4 томе коллективного труда по истории крестьянства в 1988 г. [1, С.182, 183]. Ограниченность информации создавала иллюзию сравнительно легкого преодоления последствий засухи, неурожая и послевоенной продрозверстки.

Первые научные работы по теме, включая публикации ранее секретных архивных документов, относятся к началу 90-х годов. В Молдавии и на Украине, где было наибольшее число жертв, раньше приступили к изучению послевоенного голода. Брошюра Б.Г. Бомешко о голоде 1946 – 1947 гг. в Молдавии, построенная на неизвестных ранее фактах, удивляла фиксацией сохранившихся подробностей. Через три года вышел

сборник документов о голоде 1946 – 1947 гг. в Молдавии. Дополнительный свет в освещение проблемы голода в республике проливает сборник документов, составленный и прокомментированный В.И. Пассатом [2]. Украинские демографы А.Л. Перковский и С.И. Пирожков обнаружили в архивах сведения по естественному движению населения Украинской ССР в 40-е годы, свидетельствующие почти о двойном снижении коэффициента “жизненности” в 1947 г. Они привели официальные данные правительства республики тех лет о численности голодающих [3, С.22-23]. И. М. Маковейчук и Ю. Г. Пилявец в своей статье, опубликованной в 1990 г. в том же журнале, со ссылкой на источники изложили причины голода на Украине: тяжелое наследие войны, бедственное материальное положение людей, невнимательное отношение правительства к нуждам народа и к сельскому хозяйству. Они доказывают, что главной причиной голода на Украине были государственные заготовки хлеба в неурожайном 1946 г. [4]. Историк-демограф В. А. Исупов, давший небольшую публикацию по Сибири, считает, что на фоне послевоенной деградации сельского хозяйства и сталинской “перекачки средств из деревни в промышленность голод был неизбежен” [5, С. 31].

Статья И. М. Волкова, вышедшая в 1991 г., являлась одной из первых работ, посвященных послевоенному голоду в СССР, в которой автор выдвинул как главные причины голода последствия войны и засуху 1946 г. [6, С. 3-19].

В 1992 г. В. П. Попов опубликовал рассекреченные документы по периоду 1946–1947 гг. на материалах республик, краев и областей России. Среди них были документы и по голоду [7, С. 37-60].

Проблема голода 1946–1947 гг. в России и СССР серьезно рассматривалась в публикациях В. Ф. Зимы, который в 1993–1995 гг. опубликовал статьи, а в 1996 г. издал монографию [8, С.

*Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, методики преподавания истории и обществознания.
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru.*

35-52, С. 109-125, С. 45-59]. Основу его трудов составили неопубликованные архивные документы, которые были рассекречены в конце 80-х – нач. 1990-х годов. В его статьях и монографии показаны причины, масштабы, тяжесть бедствия, охватившего не только области, пострадавшие от засухи, но и отразившегося на всей территории страны. В книге В.Ф. Зимы показано, что голод 1946–1947 гг. в отличие от подобных бедствий 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг. охватил не только деревню, но и город. По мнению И.Е. Зеленина, на это были свои причины. Одна из них определяется тем, что, готовясь к осуществлению крайне престижной для правящей элиты и ожидаемой населением реформы об отмене карточной системы (в связи с неурожаем она была проведена не в 1946 г., а в конце 1947 г.), 27 сентября 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление “Об экономии в расходовании хлеба”, согласно которому с 1 октября 1946 г. был сокращен на 23 млн. человек контингент снабжаемых в сельской местности иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, МТС, местной промышленности, лесоохраны, а в городах и рабочих поселках сняты с пайкового снабжения хлебом взрослые иждивенцы и значительно уменьшены нормы выдачи хлеба всем иждивенцам и детям (соответственно до 250 и 300 г в день), что обрекало их на полуголодное существование [9, С. 196]. По подсчетам В.Ф. Зимы, осенью 1946 г. сняли с карточного снабжения 28 млн. рабочих и членов их семей, живших в сельской местности. Всего в конце 1946 г. включая колхозников, не было обеспечено хлебом более 100 млн. человек – почти половина жителей страны [10, С. 11], хотя И.Е. Зеленин считает, что эта цифра, видимо, все же завышена [9, С. 198]. Зима В.Ф. пишет, что начало массового голода пришлось на осень 1946 г., а самый тяжелый период – весна и лето 1947 г., окончание голода датируется 1948–1949 гг., а преодоление его последствий – начало 50-х гг. [10, С. 89-95]. Этой же точки зрения придерживается В.П. Попов, который отмечает, что “вопреки распространенной точке зрения, голод в стране не ограничивался 1946-1947 гг., а наблюдался и позже. Специальное исследование, проведенное нами по всем республикам, краям и областям РСФСР, показало, что в 1948 г. положение с рождаемостью не только деревенского, но и городского населения ухудшилось в сравнении с 1947 г. и (в особенности) с 1946 г. Это же подтверждают данные о резких колебаниях рождаемости как по СССР в целом, так и по его отдельным регионам на протяжении 1948-1950 гг. [11, С.90-91]. С 1946 по 1948 г. включительно от голода и вызванных им болезней, по примерным подсчетам

В.Ф. Зимы, погибло около 2 млн. человек, в основном сельчан. А различного рода вызванным голодом заболеваниями (дистрофия, дизентерия, септическая ангина, тиф и др.), крайне тяжело отразившемся на здоровье людей, подверглось около 4 млн. человек [10, С. 170, 179]. По данным историка В. П. Попова, прямые потери от голода 1947 г. составили 770,7 тыс. человек. Именно такую цифру превышения количества смертей в 1947 г. в сравнении с предшествующим 1946 годом зафиксировали органы ЗАГС. В 1948 г. количество зарегистрированных смертей по СССР снизилось на 694,2 тыс. человек в сравнении с 1947 г. [10, С. 11, С. 90], [12, С. 72]. В. Ф. Зима приходит к выводу, что голод был следствием трех главнейших причин: послевоенных трудностей, засухи 1946 г., политики продразверстки в отношении колхозов и совхозов и запоздалой, неэффективной помощи голодающим. Двух первых причин было вполне достаточно для полуголодного существования народа и третью – продразверстку – никак не следовало допускать. Это дает право называть голод рукотворным, т.е. произошедшим по вине правящих структур всех уровней. Причины голода были в гипертрофированной централизации управления [10, С. 6, 10, 11, 128]; [13, С. 12].

Однако И. М. Волков считает, что В. Ф. Зима недооценивает роль природного фактора в трагедии засухи [14, С. 116], а, по мнению И. Е. Зеленина, сам термин “рукотворный голод”, вынесенный в заголовок второй части монографии и неоднократно повторяемый в тексте, причем без кавычек, вызывает известное сомнение. Его употребление более оправдано по отношению к голоду 1932 – 1933 гг., поскольку есть веские основания полагать, что Сталин в те годы сознательно пошел на такую меру, чтобы усмирить крестьянство, отомстить ему за непринятие коллективизации, “саботаж” [9, С. 197]. Зеленин И.Е. также считает, что автор вольно или невольно недооценивает реальное значение государственной помощи голодающим, рассматривая её главным образом под углом зрения “запоздалой”, “символической”. Разумеется, это нельзя отрицать. Но нельзя и недооценивать. В феврале 1947 г. выехала в Молдавию государственная комиссия во главе с зам. председателя Совета Министров, членом Политбюро Н.А. Косыгиным – это первый случай в истории Советского государства, когда комиссия выехала не для “усиления хлебозаготовок”, а для изучения положения с продовольствием и оказания помощи голодающим. Кроме того, не таким уж секретным был голод 1946–1947 гг. Советское государство, пусть под предлогом помощи жертвам войны, не отказалось, как это было в 1932–1933 гг. от зарубеж-

ной помощи. Комитет помощи ООН и Управление по делам спасения в январе 1947 г. только одной Украине поставили продовольствия на 100 млн. долларов (288 тыс. т), в основном американцами была оказана помощь. Аграрник И.Е. Зеленин поднимает еще один вопрос: почему все же голод 1946-1947 годов, значительно более масштабный и губительный по сравнению с голодом 1932-1933 гг. (голодало 100 млн. человек), причем как селян, так горожан, тогда как в 1932-1933 гг. голодало 25-30 млн. крестьян привел к меньшим людским потерям – соответственно 2 млн. и около 8 млн. человек?. По его мнению, тема голода в работе В.Ф. Зимы заслуживает порой общего видения автором рассматриваемого периода, мешает более взвешенно, всесторонне определить его сущность и содержание. Ценой огромных усилий народа, его подвижнического труда страна поднималась из руин, залечивала раны войны, преодолевала тяжелейшие последствия голода. К началу 50-х годов в основном удалось восстановить довоенный уровень производства. Улучшились условия жизни как в городе, так и в деревне [9, С. 197]. И.Е. Зеленин отмечает, что впервые в отечественной историографии в монографии Зимы В.Ф. исследуется такая злободневная проблема, как тесная связь голода, обнищания населения с преступностью [9, С. 198].

В ряде других исследований показано, что засуха 1946 г. была одной из наихудших в XX в. И.М. Волков пишет, что по силе и масштабам охвата территории засуха 1946 г. была больше, чем в 1921 г., и напоминала засуху 1891 г. В засушливом 1921 г. за май-июнь выпало в два раза больше осадков, чем в 1946 г. [6, С. 3-19; 3. С. 20; 4, С. 18].

В некоторых работах последнего времени утверждается, что правительство располагало достаточными возможностями для того, чтобы не допустить или хотя бы серьезно ослабить остроту голода, использовав часть государственного зернового резерва, расходования которого “с маниакальной” настойчивостью не допускал Сталин [15; 11, С. 90]. В. П. Попов считает, что “отнюдь не погодные условия унесли жизни сотен людей. Вина эта в большей степени лежит на властях, не позаботившихся вовремя о продовольственном обеспечении населения голодающих районов” [12, С. 73]. Историки А.А. Данилов и А.В. Пыжиков отмечают, что положение дел в деревне не являлось для властей секретом, об этом крестьяне регулярно информировали вышестоящие инстанции в своих жалобах и письмах. В подавляющем большинстве случаев просьбы населения оставались без ответа. Данный факт говорит о том, что интересы крестьянства и правящей верхушки не только не пересе-

кались, но были прямо противоположными. Справедливость подобного вывода подтверждает и государственная политика в области налогообложения [16, С. 134-135]. В других публикациях такая позиция Сталина объясняется реальной вероятностью превращения в те годы “холодной войны” в горячую, которая потребовала бы больших расходов продовольствия, а также подготовкой к отмене карточной системы распределения хлеба [17, С. 161].

Несомненно, ослаблению остроты голода способствовало бы недопущение осуществленного правительством СССР в 1946 г. экспорта продовольствия в страны Восточной Европы (в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Францию), который нельзя оправдать стремлением поддержать демократические режимы, устанавливавшиеся там после освобождения от фашистской оккупации. Впервые И.В. Волков поднял вопрос об оказании продовольственной помощи странам Восточной Европы. Он приводит данные, что в целом экспорт зерна из СССР в 1946 г. составил 1,7 млн. т, или 10% всего заготовленного в том году. Он подчеркивает, что такую щедрость за счет голодающего населения собственной страны сейчас трудно оценить [6, С. 3-9]. По данным В.Ф. Зимы, в течение 1946–1947 гг. экспорт зерна из СССР составил 2,5 млн. тонн [10, С. 149].

Как считают исследователи, руководство страны и лично Сталин не сделали всего необходимого для ослабления последствий засухи и спасения населения от голода [6, С. 13; 7, С. 36-60; 10, С. 149-150]. За 1946–1950 гг. государственный резерв хлеба в стране вырос с 10 до 21 млн. т. Выросли и урожаи, однако сократилась доля зерна, идущего на оплату труда колхозников. За 1946–1950 гг. из страны на экспорт ушло около 10 млн. т зерна, чего вполне хватило бы, чтобы избавить от голода миллионы собственных граждан, считает В. П. Попов. Он пишет, что “однако у советского государства на первом месте были не заботы о нуждах населения Советского Союза, а расчеты на расширение сферы советского влияния” [18, С. 58; 11, С. 90]. К такому выводу приходят и историки А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, которые в своей монографии отмечают, что “закрепление успехов на международной арене лидерам партии казалось более предпочтительной задачей, нежели сохранение приемлемого уровня жизни своего народа” [16, С. 133].

По мнению И. М. Волкова, даже при мобилизации всех имеющихся запасов и использовании госрезерва полностью избежать трагедии все равно не удалось бы. Опыт голодных 1906, 1911, 1921, 1932 гг. в России доказывает, что при производстве зерна на душу населения в размере менее 350 кг без значительного импорта хлеба

голод неизбежен. В 1946 г. этот показатель был равен примерно 230 кг. Поэтому даже отказ от изъятия хлеба в колхозах не гарантировал бы население районов, охваченных засухой, от голодания, о чем свидетельствуют приведенные в ряде работ материалы по Молдавии, особенно сильно пострадавшей от засухи и резко сократившей объем хлебозаготовок. Положение могла спасти лишь серьезная помощь извне [2, С. 23; С. 238; 14, С. 117].

Р.Р. Хисамутдинова в своей монографии, рассматривая осуществление аграрной политики государства на Урале в послевоенные годы, наряду с другими проблемами рассматривает вопросы засухи и голода 1946 – 1947 гг. в регионе. Она отмечает, что власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по пути организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в порядке обязательной разверстки уже после выполнения плана сдачи хлеба получили так называемую надбавку к плану. Автор пишет, что если для областей, охваченных засухой, планы хлебозаготовок были уменьшены, то с областей вне засухи наоборот был установлен дополнительный план хлебозаготовок по постановлению Совета Министров СССР от 4 октября 1946 г. Был составлен список 37 областей, краев и республик, которые, как считало правительство, имеют возможность досрочно выполнить государственный план хлебопоставок и сдать зерно сверх плана, в их числе оказались все 7 областей и автономных республик Урала. За счет сверхплановой сдачи зерна этими областями, краями и республиками правительство рассчитывало получить еще 36 180 тыс. пудов хлеба. Больше всех должны были сдать Казахстан – 9 млн. пудов, Алтайский край – 8 млн. пудов и Новосибирская область – 2,5 млн. пудов. Челябинская область и Башкирия должны были сдать сверх плана по 1 млн. пудов, Курганская, Молотовская, Свердловская и Чкаловская области – по 500 тыс. пудов, Удмуртия – 200 тыс. пудов. Из 37 областей, краев и республик отказывались выполнять сверхплановую сдачу хлеба 4 административно-территориальные единицы (Московская, Ивановская, Чкаловская области и Краснодарский край). Но их все равно заставили сдавать хлеб сверх плана даже в увеличенных размерах. Казахской ССР план хлебопоставок был увеличен и составил 11,8 млн. пудов, Чкаловской области – 2 млн. пудов, Челябинской – 1 млн. 383 тыс. пудов. Сначала секретарь ЦК ВКП(б) Н. С. Патоличев, которому было поручено заниматься хлебозаготовками, разговаривал с первым секретарем Алтайского крайкома о том, чтобы сельские труженики данного региона выступили с инициативой о сдаче

сверх государственного плана 6 млн. пудов хлеба. После этого появились обращения сельских тружеников других областей, краев и республик. Башкирия взяла обязательства сверх плана сдать 1 млн. 136 тыс. пудов хлеба, Курганская область – 1 млн. пудов хлеба. Алтайский край сдал сверх плана вместо 6 млн. пудов 10,4 млн. пудов [19, С. 214-215]. Вследствие этого, отмечает Р.Р. Хисамутдинова, в 1946 г. в Чкаловской области почти 2/3 колхозов, в Башкирии более половины колхозов, в Удмуртии 46,4% и в Челябинской области 41,8% не выдали хлеб на трудодни или выдали его до 300 г. В среднем по стране в 1946 г. было распределено на один трудодень 0,52 кг (а фактически выдано меньше), в Молотовской – 0,7 кг, БАССР – 0,618 кг, Удмуртии – 0,460 кг, Челябинской – 0,4 кг, Чкаловской – 0,300 кг, Курганской – 0,154 кг. Это привело к тому, что люди стали голодать. Особенно большую угрозу представляла септическая ангина [19, С. 236-238]. Автор показывает, что последствия засухи продолжали сказываться и в 1947 г., когда голодное население, как только созрел новый урожай, выходило в поле стричь колосья. Как указывалось в справке МВД от 15 июля 1947 г., представленной секретарю обкома партии Ф.Н. Дадонову, в Челябинской области были случаи массового воровства нового урожая [19, С. 245]. Она доказывает, что последствия страшной засухи 1946 г., усиленное продразверсткой, привели к голоду 1946-1947 гг. на Урале, особенно в южных областях, всплеску заболеваний септической ангиной, дистрофии, истощения и болезней желудочно-кишечного тракта. По состоянию на 1 мая 1946 г. в Башкирии насчитывалось остро нуждающихся 125 354 человека, дистрофиков 11468, обследовано на лейкопению (подозрение на септическую ангину) 12 645 человек. Всего 149 467 человек, или 7,7% сельского населения республики [19, С. 482]. К сожалению, архивные данные не все рассекречены, поэтому трудно установить насколько возросла численность голодающего населения той же Башкирии после неурожая. В 1946 – 1947 гг. в Курганской области произошел всплеск преступности по сравнению с 1945 г. Она выросла в 1,5 – 2 раза, в том числе хищения собственности в 1,8 раза, личной собственности в 2,1 раза, спекуляции в 2 раза [19, С. 486].

Историк В.В. Кондрашин, сравнивая три советских голода (1921-1922, 1932-1933 и 1946-1947 годов), приходит к выводу, что “голод 1946-1947 годов, несмотря на свои масштабы, все же существенно отличался от предшествующего великого голода начала тридцатых. Прежде всего потому, что он разыгрался в стране, победившей во второй мировой войне, разыгрался тогда, когда сталинская модель экономики и госу-

дарственной власти уже утвердилась и более всего нуждалась в стабильности. Поэтому он не мог быть, как в 1932-1933 годах, организованным голодом". По его мнению, "главной причиной голода были последствия войны и засухи", т.е. в своих рассуждениях о причинах голода он придерживается взглядов И.М. Волкова и И.Е. Зеленина [20, С. 298-312].

Ослабленные колхозы и совхозы не могли противостоять стихийному бедствию. Тяжелые последствия войны были главной причиной сокращения производства сельскохозяйственной продукции в 1946 г. и трагедии голода 1946—1947 гг., считает И. М. Волков [14, С. 116]. Но нельзя только этой причиной объяснить послевоенный голод. На основе анализа работ историков о послевоенном голоде можно выделить, как объективные, так и субъективные причины. К первым относятся: разрушительные последствия войны, засуха 1946 г., обострение международной обстановки и начавшаяся "холодная война".

К субъективным причинам необходимо отнести: сохранение и даже укрепление административно-командной системы в аграрном секторе, продолжение политики "выжимания соков из деревни" во имя индустриализации, укрепления обороноспособности страны. Как и в 30-е годы, капиталовложения в сельское хозяйство фактически не производились. Все имевшиеся ресурсы были использованы для развития тяжелой промышленности и для создания атомного оружия. Создав колхозы, сталинское руководство получало из села сельскохозяйственные продукты по низким закупочным ценам, которые не перекрывали их себестоимость, а затем они продавались по гораздо более высокой цене.

Тяжелым было материальное положение крестьянства, которое вело полуголодное и голодное существование в годы войны из-за недостаточной оплаты их труда в общественном хозяйстве и из-за невероятных налогов, которыми были обложены крестьянские дворы. Крестьянский двор в годы войны обнищал, и поэтому засуха 1946 г. серьезно ухудшила материальное положение сельчан и вызвала голод. Сохранялись старые принципы заготовок сельскохозяйственной продукции и новая разновидность продразверстки. Хлебозаготовительная кампания была проведена жесткими, фактически грабительскими методами, напоминающими продразверстку периода гражданской войны. Слабой оставалась материальная заинтересованность колхозников в результатах своего труда, так как они фактически бесплатно работали в общественном хозяйстве. Кроме того, была оказана значительная продовольственная помощь странам Восточной Европы, тоже испытывав-

шим продовольственные трудности. Естественно, после окончания войны Советское государство хотело укрепить свои позиции в Восточной Европе. Однако трудно и невозможно понять и оправдать эту политику правительства в условиях, когда опухало от голода население собственной страны.

Личные хозяйства колхозников и рабочих совхозов должны были также участвовать в заготовках хлеба. Таким образом, для крестьян сокращался и этот источник существования, а карточная система распространялась только на горожан. Заставляя колхозы сдавать весь выращенный хлеб, по сути, государство отбирало хлеб, предназначенный для распределения среди крестьян в форме натуроплаты на трудодни, что и стало причиной голода в деревне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История советского крестьянства. Т. 4. М.: Наука, 1988. 499 с.
2. *Бомешко Б.Г.* Засуха и голод в Молдавии в 1946—1947 гг. Кишинев: Штинца, 1990. 52 с.; Голод в Молдове. (1946—1947). Сборник документов. Кишинев: Штинца, 1993; Пасат В. И. Трудные страницы Молдовы. 1940—1950-е гг. М.: Изд. центр "Терра", 1994. 800 с.
3. *Перковский А.Л., Пирожков С.И.* Демографические потери народонаселения Украинской ССР в 40-х годах // Украинский исторический журнал. 1990. № 2. С. 18-34.
4. *Маковейчук И.М., Пилявец Ю.Г.* Голод на Украине в 1946—1947 гг. // Украинский исторический журнал. 1990. № 8. С. 3 — 23.
5. *Исутов В.А.* "Черное пятно" в истории Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, философии и филологии. Вып. 1. Новосибирск, 1990.
6. *Волков И.М.* Засуха, голод 1946—1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 28 — 36.
7. *Попов В.П.* Голод и государственная политика (1946—1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37-60.
8. *Зима В.Ф.* Голод в России 1946—1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35—52; Он же. "Второе раскулачивание" (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Там же. 1994. № 3. С. 109—125; Послевоенное общество: голод и преступность (1946—1947 гг.) // Там же. 1995. № 5. С. 45—59; Он же. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М.: "ИРИ", 1996. 265 с.
9. *Зеленин И.Е., Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946 —1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996 // Отечественная история. 1997. № 2. С. 196-198. С.196.
10. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946— 1947 годов: происхождение и последствия. М.: "ИРИ", 265 с.
11. *Попов В.П.* Большая ничья. СССР от Победы до распада. М.: Изд-во: НЦ ЭНАС, 2005. 216 с.
12. *Попов В.П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61-76, С. 72.
13. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997. 47 с.
14. *Волков И.М.* Деревня СССР в 1945—1953 годах в но-

- вейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С.115-124.
15. Аксенов Ю., Улюкаев А. О простых решениях непростых проблем // Коммунист. 1990. № 6. С. 38 – 47; Независимая газета. 1992. 16 апреля.
16. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.:РОС-СПЭН, 2001. 304 с.
17. Быстрова И.В. Развитие ВПК // СССР и холодная война. М.: Мосгорархив, 1995. 310 с.
18. Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 40-е гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49-60.
19. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 608 с.
20. Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII-XX веках: история и современность. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 298-312.

**FAMINE OF 1946-1947 IN THE LATEST HISTORICAL RESEARCHES
(LATE 1980-s – 2000)**

© 2009 R.R. Hisamutdinova

Orenburg State Pedagogical University

The article considers different viewpoints of historians on the causes of the famine of 1946-1947 in the Soviet Union: natural (drought), objective (aftermath of the war and poverty in villages), subjective (economic and foreign policy); the scale and the consequences of the famine for the country.

Key words: drought, aftermath of the war, poverty-stricken villages, work-days, state procurement, famine, death-rate.